

Новая театральная реальность

Вер. Москва, - 1998. - 29 стр. - с. 8

по Райхельгаузу

Московский театр «Школа современной пьесы» встретил свое десятилетие троекратным «ура!» — тремя премьерами, способными перевернуть сложившееся представление о «Школе» как о театре «звезд». В феврале на основной сцене театра появился спектакль «Другой человек» по пьесе Петра Гладилина (его режиссер Вадим Мирошниченко — дебютант на московской сцене, хотя имеет солидный список постановок за рубежом и в провинции. Играть в спектакле Ирина Алферова, Альберт Филозов либо альтернативный состав — замечательная молодежь театра — Анастасия Сапожникова и Максим Евсеев).

М есяц спустя в театре выпустили «Любовь Карловны» — спектакль по пьесе Ольги Мухиной, самого популярного сегодня молодого автора. Поставил пьесу художественный руководитель театра Иосиф Райхельгауз, он же — руководитель Актерской мастерской ВГИКа. Студенты-дипломники мастерской играют этот яркий и энергичный спектакль, который наши подписчики смотрят бесплатно 6 и 18 мая. «Любовь Карловны» — первая постановка на новой сцене театра, который назвали «Зимний сад».

Следующей в «Зимнем саду» стала постановка Виктора Шамирова по пьесе некоего загадочного автора Валерия Ветхова (кто он,

Иосиф Райхельгауз:
«Сборная режиссеров Москвы
обыграла бы сборную мира!»

откуда и чем занимается, знает только Шамиров, но тайну не раскрывает). В спектакле играют Алла Балтер, Владимир Качан и знакомые по «Карловне», как они нежно называют пьесу, вгиковские студенты (этот спектакль подписчики «ВМ» увидят 7 и 11 мая).

Когда государственный театр, живущий за счет своих спектаклей и небольших бюджетных отчислений, идет на подобные эксперименты, он серьезно рискует — и кассой, и сложившейся репутацией. Для этого должны быть особые, веские основания. Об этом СОФЬЯ ДВУЛЕНКО беседует с художественным руководителем театра ИОСИФОМ РАЙХЕЛЬГАУЗОМ.

— Я думаю, что никакого подвига в этом нет, что это совершенно

нормально. Театр, как семья, как дом, уважая свое настоящее и прошлое, должен думать о будущем, — говорит Райхельгауз. — Я рад, что у нас заняты замечательные артисты — Татьяна Васильева, Ирина Алферова, Михаил Глузский, Владимир Качан, Лев Дуров, Альберт Филозов и другие — это мои товарищи, это люди, которые давно здесь работают, и я их люблю. Но если думать о будущем театра, то нужно думать и о других артистах — о молодых. И те, и другие должны быть вместе.

Я много лет преподавал в ГИТИСе, долго работал в «Современнике», а в последние годы преподаю во ВГИКе — это моя первая Актерская мастерская. Сейчас я ее выпускаю и уже начинаю набор в новую мастерскую — ее выпускники будут актерами уже XXI века. Так что то, что у нас происходит, это нормальная ситуация.

Другое дело, что в этом сезоне у нас она перенасыщена — сразу три премьеры трех молодых авторов, трех молодых режиссеров и целой компании молодых артистов, которые еще даже диплом не получили. Но еще раз говорю — как неполноценная семья без детей, так и неполноценен театр без молодой компании, тем более театр, который программой своей считает современную пьесу.

— Может быть, новое направление вашего театра связано с открытием новой сцены?

— Напротив, именно открытие новой сцены связано с тем, что мы решили для себя — надо работать больше. Ведь три премьеры в сезон — это не сверхвысокая, как считают, а нормальная нагрузка для московского театра. Мы трудно и напряженно провели сезон, и

я считаю, что нам есть что показать зрителям. Один спектакль мне кажется не вполне удачным — «Другой человек», другой — выдающимся (спектакль Шамирова), третий — достойным («Любовь Карловны»). Так что и по качественным показателям наш сезон удачен.

— Популярность премьерных спектаклей вашего театра растет, и зрителям, желающим попасть на спектакли, приходится потесниться в зале — студенты, как было на том спектакле, что видела я, сидят на ступеньках или попросту на полу. Может быть, ваш выбор пьес угадал что-то важное, что еще носится в воздухе, еще не оформилось в современное мировоззрение, в новое театральное направление, но чего уже давно ждут в театре?

— С современной драматургией в России сегодня хорошая ситуация, не замечают ее только ленивые или нелюбознательные. Другое дело, что пьеса может не попасть в театр. Сейчас в русском театре очень сильная команда режиссеров. Я думаю, если бы в театре, как в футболе, можно было бы провести матч и против режиссерской сборной мира выставить сборную режиссеров Москвы, то наша команда, несомненно, выиграла бы. Но мы пропускаем современную — по-настоящему современную пьесу — в силу нашей неподготовленности к ней. В среднем в день я прочитываю по пьесе. Но их-то еще больше!

Когда молодой режиссер Александр Калинин принес в театр пьесу Мухиной, то я, прочтя ее, настоятельно. Видно, что это талантливая литература, но как ее перевести в театр, я не понимал. А потом

уже, когда мои студенты с Сашей провели предварительную работу над пьесой, я что-то там сообразил... В пьесе же, которую принес Шамиров, я сразу увидел современную технологическую перспективу: она требует очень определенного сценического языка, она не может быть представлена по привычной схеме — характеры, сюжет, завязка-развязка. Вернее, все это там есть, но в очень неожиданном преломлении.

Я с самого начала понимал, что это эксперимент, на который обязательно нужно идти, хотя я не мог знать, чем он завершится. По-моему, он завершился блестяще.

Думаю, что бытие рождает определенную литературу, и эта литература рождает определенный театр. Было время, когда первые спектакли «Современника» потрясли Москву своей буквальностью, правдивостью. Потом прошло время, и эти спектакли уже казались излишне театральными, не имеющими реального соотношения с жизнью. Потом это место заняли спектакли А. В. Эфроса — психологические, соотносящиеся с конкретной востребованностью зрительным залом. Потом была «Взрослая дочь молодого человека» в Театре имени Станиславского, и это была уже новая театральная реальность. А сегодня пришло время Мухиной и Шамирова — и не столько их лично, сколько такого театрального языка, такой эстетики. На премьере спектакля Шамирова некоторые говорили, что у них не было такого театрального потрясения уже много лет. Это были разные люди — и театральные критики, и знакомые врачи, и Анатолий Борисович Чубайс.

И я очень этому рад.